

Интернет-журнал «Мир науки» / World of Science. Pedagogy and psychology <https://mir-nauki.com>

2018, №2, Том 6 / 2018, No 2, Vol 6 <https://mir-nauki.com/issue-2-2018.html>

URL статьи: <https://mir-nauki.com/PDF/40PSMN218.pdf>

Статья поступила в редакцию 12.03.2018; опубликована 03.05.2018

Ссылка для цитирования этой статьи:

Куприянчук Е.В. «Агрессивно-жертвенная» модель поведения девиантных подростков // Интернет-журнал «Мир науки», 2018 №2, <https://mir-nauki.com/PDF/40PSMN218.pdf> (доступ свободный). Загл. с экрана. Яз. рус., англ.

For citation:

Kupriyanchuk E.V. (2018). "Aggressively sacrificial" model of behavior of deviant teenagers. *World of Science. Pedagogy and psychology*, [online] 2(6). Available at: <https://mir-nauki.com/PDF/40PSMN218.pdf> (in Russian)

УДК 159.923.2

ГРНТИ 15.81.57

Куприянчук Елена Викторовна

ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского»
Саратов, Россия

Кандидат социологических наук, доцент

E-mail: elena-kupr@yandex.ru

РИНЦ: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=782040

«Агрессивно-жертвенная» модель поведения девиантных подростков

Аннотация. Изложены результаты теоретического и эмпирического исследования, связанного с вопросами, рассматривающими механизмы конструирования преступной агрессивности подростков. Представлены результаты эмпирического исследования, выполненного на выборке подростков 12-17 лет, совершивших различные агрессивные преступления (хулиганство, побои, изнасилование, убийство, разбой, корыстно-агрессивные кражи, грабежи), а также жертв сексуально-агрессивных и разбойных преступлений в возрасте от 10 до 16 лет (n = 78, количество проанализированных преступлений – 68). С применением диагностических методов: изучения биографий, материалов уголовных дел, методик, исследующих характер – тест А.Е. Личко, интеллект – тест Айзенка, проективных тестов: «несуществующее животное», «hend-test», опросников: «Ролевая виктимность» (М.А. Одинцова, Н.П. Радчикова) и Басса-Дарки (адаптация Л.Г. Почебута), неформализованного интервью, наблюдения. Установлено, что влияние социализирующих факторов, прежде всего семейных воспитательных стратегий, на подростков – участников преступления, конструирует сходный механизм формирования деструктивной идентичности как агрессоров, так и жертв. Агрессивные поведенческие диспозиции формируются на микроуровне через отчуждение в семье, которое может быть прямым в криминально-аморальных семьях и косвенным в педагогически запущенных. Выделен феномен «агрессивная жертвенность» и разработана типология поведения агрессоров и жертв. Чем глубже агрессия входит в мировоззренческое ядро, как у группы «враждебных» агрессоров и «отверженных» жертв, тем более жестокими являются те преступления, в которые они вовлекаются. Прикладной аспект исследуемой проблемы может быть реализован в консультативной практике психологических служб реабилитационных центров жертв насилия, органов профилактики преступлений, учреждений образования.

Ключевые слова: преступная агрессивность; социокультурные механизмы конструирования; криминально-аморальные; педагогически запущенные семьи; деструктивные воспитательные стратегии; деструктивная идентичность; феномен «агрессивная жертвенность»

Введение

Устойчивость агрессивной модели поведения в среде подростков выступает в качестве маркера дезадаптированного образа жизни [1, 2]. В современной действительности помимо количественного увеличения агрессивно-насильственных посягательств, у молодежи наблюдается возрастание агрессии в сторону жестокости, цинизма, увеличения числа преступлений, происходящих под воздействием ситуативных, импульсивных поведенческих реакций, характеризующихся неадекватностью повода и степенью причиненного ущерба [3, 4]. В свою очередь подростки, сами относятся к наиболее уязвимой категории населения, особой маргинальной субкультуре, испытывающей на себе негативные аттитюды социального окружения [5, 6]. Особую значимость в современных условиях приобретают исследования социальной природы, генезиса, механизмов становления, мер превенции ранней агрессии, конечная цель которых – снижение социального неблагополучия общества и становление цивилизованного социального порядка [2]. Рассматриваемый в данной статье материал являлся частью диссертационного исследования автора, имеющего опыт работы в области производства судебно-психологических экспертиз несовершеннолетних правонарушителей и жертв насилия [5].

Теоретический анализ проблемы

Преступная агрессивность рассматривается как одна из форм девиантного поведения. Теоретические и практические исследования, изучающие феномен преступной агрессии, сосредоточены, в основном, вокруг четырех проблемных областей: сущности преступной агрессии, механизмов становления, форм проявления, превенции и интервенции отклоняющегося агрессивного поведения [7].

Социально-психологический анализ девиантного агрессивного поведения осуществляется в рамках теорий социального научения (Р. Акерс, А. Бандура, А. Басс, Р. Бургере, Д. Зильманн), позитивистской концепции аномии Э. Дюркгейма. социокультурного подхода (Р. Мертон, У. Миллер, Л. Оулин, Т. Селлин), стигмы (Г. Беккер, К. Вайл, Н. Валерстайн, И. Гоффман, Э. Лемерт, Р. Портфельд, Э. Сатерленд, Т. Селлин, Ф. Танненбаум). В России С.А. Беличева, Я.И. Гишинский, В.В. Королев, В.А. Кудрявцев, рассматривают источники девиаций в контексте социального расслоения общества, которое особенно затронуло институт семьи, Г.И. Люблинский, В. Куфаев, Н.Н. Маковский описывают генезис преступных девиаций через социальное научение, легитимизацию и тиражирование с помощью масс-медиа преступных образцов поведения [2, 3, 7].

Заслуживает внимания виктимологическое направление исследования девиантного поведения (Г. Геттинг, Б. Мендельсон, Э. Сатерленд), сложившееся в русле интеракционистских взглядов, переакцентирующее научный поиск на исследование поведения жертвы, которая в ситуации преступления может провоцировать преступную агрессию [6].

Особое значение для понимания связи агрессивности и жертвенности в преступном поведении имеют работы Е. Маркузе, М. Хоркхаймера, Э. Фромма в русле культурологической парадигмы. Авторы ставят вопрос о соотношении стремления к неограниченной власти над другим человеком с мазохистскими ориентациями, которые рассматриваются как зависимые

друг от друга и сливающиеся стороны «Я-концепции» [8]. Интересными представляются идеи, развиваемые в соответствии с мироощущением постмодернизма (З. Бауман, Ж. Делез, Деррида, Ж.-Ф. Лиотар, М. Фуко), фиксирующие отход от противопоставления бинарных оппозиций. Так М. Фуко соединяет в единую конструкцию «безумие» и «норму», Ю.М. Лотман анализирует взаимообусловленность таких противоположностей, как «глупое – умное – сумасшедшее» [5].

Процесс интериоризации поведенческих стереотипов как механизм социализации рассматривается в работах П. Бергера и Т. Лукмана [5]. Конструирование агрессивно-жертвенной модели поведения происходит через трансформацию «Я-концепции» и принятие деструктивной идентичности в процессе социализации.

Исследования в области социальной психологии семьи дают одно из возможных направлений концептуализации механизмов преступной агрессивности подростков. Направленное воздействие семейных стратегий в социализации подростков анализируется Л.И. Аувяртом, С.А. Беличевой, А.Е. Личко, Э.Г. Эйдемиллером, В.В. Юстицким [1, 9, 10].

Таким образом, наблюдаемая тенденция к междисциплинарному анализу преступной агрессивности позволяет многомерно представить влияние социальных факторов в усвоении и реализации агрессивных моделей поведения.

При всем многообразии работ, посвященных изучению преступной агрессивности, следует отметить недостаточную разработанность некоторых аспектов по данной проблематике, в частности, обойден вниманием круг вопросов, связанных с контекстной соотнесенностью агрессивности и жертвенности как с точки зрения генезиса, так и в плане социально-эмплакативных форм. Не проводились отечественные исследования, позволяющие обсудить тему подобию в формировании идентификационных стратегий у агрессоров и их жертв.

Результаты исследования и их обсуждение

Опираясь на эмпирическое исследование 46 подростков в возрасте 12-17 лет, совершивших различные агрессивные преступления (хулиганство, побои, изнасилование, убийство, разбой, корыстно-агрессивные кражи, грабежи), а также жертв сексуально-агрессивных и разбойных преступлений в количестве 32 человек, в возрасте от 10 до 16 лет. Общая численность испытуемых составила 78 человек, а количество проанализированных преступлений – 68. Анализируются различные типологические составляющие «агрессивно-жертвенного» поведения и даются развернутые характеристики каждого типа. За основу берутся стратегии поведения агрессора и жертвы в ситуации преступления. В стратегию поведения мы включаем следующие параметры: мотивацию преступного действия, формы поведенческих реакций, квалификацию преступления по качеству и степени тяжести. Типология агрессоров и жертв преступлений выделена автором за счет применения методов, прежде всего качественного анализа: изучения биографий, материалов уголовных дел, неформализованного интервью, наблюдения, а также диагностического инструментария: методик, исследующих характер – тест А.Е. Личко, интеллект – тест Айзенка, проективных тестов: «несуществующее животное», «hend-test», опросников: «Ролевая виктимность» (М.А. Одинцова, Н.П. Радчикова) и Басса-Дарки (адаптация Л.Г. Почебута).

Авторская типология агрессоров включает три типа. Первый тип – «враждебные» (26 % выборки) – те подростки, у которых агрессия входит в «Я-концепцию» и служит средством самоутверждения: через «символическое самоубийство» утверждается личностная свобода. У таких личностей насилие, деструктивный способ поведения выступают в качестве самоцели, ведущего мотива противоправных действий. Для этого типа наиболее характерна агрессия в

форме убийства (62 %), сексуального насилия (22 %), тяжелых телесных повреждений (17 %). Обычно в качестве жертвы ими избирается слабый человек, неспособный оказать значительного сопротивления, нередко даже малолетний ребенок. Такой тип агрессоров отличается низким уровнем морально-этических представлений, ярко выраженной тотальной агрессивностью, эмоциональной холодностью, неспособностью к сопереживанию, стремлением к доминированию в среде сверстников, болезненным самолюбием, переоценкой своих возможностей, неадекватным уровнем притязаний, склонностью к аффективному застреванию, вспыльчивостью, неуравновешенностью, трудностями в общении. Преобладающими акцентуациями характера у этого типа агрессоров являются эпилептоидная и шизоидно-эпилептоидная у 62 % и 15 % испытуемых соответственно. Интеллектуальный уровень у 62 % средний и выше, у 38 % – низкий. В 46 % случаях подростки воспитывались в неполных семьях, 23 % – в многодетных, 15 % – воспитывались опекунами. Более трети семей (39 %) «враждебных» агрессоров являются аморально-криминальными, в которых родители демонстрируют насильственные методы взаимоотношений, применение к ребенку жестких физических наказаний. Личностные смыслы мотивов поведения «враждебных» состоят в уничтожении бессознательных психотравмирующих переживаний собственного детства. Данные акты, по-видимому, носят характер «символического самоубийства» и утверждения собственной личностной свободы.

Второй тип – «трусливые» (31 % выборки) – те, у которых агрессия носит инструментальный характер, служа средством достижения значимых, иногда позитивных целей. Для этого типа характерна агрессия в форме убийств (30 %), корыстно-агрессивных краж (28 %), хулиганства (11 %), вымогательства (6 %). Мотивы преступления, несмотря на единый инструментальный характер действий, варьировали от: корыстных – в 32 %, снятия напряжения – 26 %, «проверки» любви родителей – 16 %, «ощущения риска, новых впечатлений» – в 11 %, до стремления поразвлечься и защиты – по 5 % соответственно. У этого типа подростков отмечалась слабохарактерность, трусливость, безволие по отношению к более сильным сверстникам и грубость, насилие в отношении младших и слабых. Вместе с тем, многие имеют положительные характеристики, где отмечалась их доброта, послушание, отзывчивость, тихость, несамостоятельность. Основной тип акцентуации характера у этого типа не выявлен. Интеллектуальный уровень в 31 % случаев низкий или средний. В семьях этих агрессоров практикуются отстраненно-равнодушный и попустительский стили воспитания, что часто встречается в многодетных семьях.

Третий тип – «солидарные группы» (43 % выборки) – те, у которых агрессия является инструментом, позволяющим сохранить статусное место в группе. Для этого типа характерен такой вид преступления, как агрессивные кражи (36 %). Такие подростки отличаются общительностью, стремлением занять статусное, авторитетное место в группе, подверженностью чужому влиянию (36 %), внушаемостью, обидчивостью, упрямством и скрытностью. Основной тип акцентуации у данных подростков не выявлен, наряду с эпилептоидными, есть психастенические, астено-невротические, лабильные, неустойчивые акцентуации характера и их различные вариативные сочетания. Уровень интеллектуального развития отличается дефектом в виде задержки психического развития, либо соответствует нижней границы нормы у 59 %. Агрессивность как черта присутствует у 36 %, чаще в скрытом виде. Основным методом воспитания в семьях агрессоров данного типа является безнадзорность и эмоциональное отвержение детей родителями; как правило, их семьи неполные. Вот почему для этого типа агрессоров необычайно высок престиж неформальной группы. В нашем исследовании не обнаружено случаев активного препятствования кого-либо из группы началу или обострению посягательств, завершившихся насилием. Напротив, такие инициативы встречают групповую поддержку. Несогласие, примерно у каждого четвертого, пятого, скрывается и имитируется активность, либо они незаметно отходят в сторону.

Нападению предшествует психологическая готовность к насильственным действиям, которую чаще других формируют лидеры, например, в словах: «надо кого-нибудь избить». Лидеров в группе может быть несколько – обычно два, три. Умысел на убийство до намерения обычно не обговаривается. Никакого повода для нападения группе не требуется. Поведение потерпевших опасности для нападающих не представляет. Правда, иногда, пьяные потерпевшие злоупотребляют нецензурными словами, однако, их брань не может быть тяжким оскорблением агрессоров в силу ее безадресности. Агрессоры, солидарные группе, с помощью насилия обычно пытаются решить проблемы своего самоутверждения в ней. В формальных группах их статус низок, а средства повысить его – ограничены. В неформальной группе они впервые чувствуют, что из аутсайдеров они хотя бы на время могут превратиться в уважаемых хозяев положения, что ни в родительской семье, ни в школе не удается. Но для признания необходимо совершить нечто значительное и победа должна быть надежно обеспечена, иначе самоутверждение не состоится. Вероятно, этим обусловлен специфический образ действий – нападение группой на одиночку, которым может быть ребенок, слабая женщина, пожилой человек в безлюдной обстановке.

Так как уличное насилие – процесс двуединый: с одной стороны – насильник, с другой – жертва, было бы логично перейти от типов агрессоров к типам жертв насилия. Исследования показывают, что образовательный, культурный и нравственный уровень личности потерпевшего и преступника зачастую близки друг к другу [5, 10].

Авторская типология жертв включает четыре типа. Первый тип – «отверженные» (46 % выборки) – подростки, которые обладают стигматизированной идентичностью изгоя, провоцирующей к многократному принятию насилия. Идентичность изгоя, жертвы является составной частью «Я-концепции», аналогично идентичности «враждебных» агрессоров. Этот процесс «вживания» в образ изгоя называется ролевым поглощением. Согласно теории стигматизации, ролевое поглощение является конечным этапом процесса развития девиантного поведения [2]. Основными методами воспитания в семьях этих жертв являются эмоциональное отвержение и жестокое обращение с детьми. По результатам эмпирического исследования в 64 % случаев насильником является отчим, отец или друг семьи. В духовной жизни они оказались полностью предоставлены самим себе, взрослым всегда было не до них. Они несли в отношении своих детей лишь тяжкие обязанности, на деле они бы рады были от них освободиться. С тех пор они так к этому привыкли, что не ищут другой социальной ниши. Ведь им в ней будет ново, а посему и неуютно. Вот почему они с мазохистской любовью продолжают коллекционировать все новые и новые знаки своего отвержения. Именно из этих «девочек для битья» рекрутируются будущие жертвы: такой человеческий материал провоцирует на совершение над ними насилия. Идентичностям, формирующимся таким образом, имманентно присуща стигма, которая первоначально включена в структуру личности, в дальнейшем перерабатывается, закрепляется. Вот почему многие жертвы данного социотипа в дальнейшем склонны к промискуитету и преступному поведению.

Второй тип – «покорные» (36 % выборки) – те подростки, которые переносят закрепленные формы подчинения насилию из семьи в ситуацию преступления, принимая инструментальную агрессию. Такие девочки слабо учатся. Они послушные дочери, неприметные, малообщительные, ведомые, тревожные, боязливые, не умеющие постоять за себя, несамостоятельные, нерешительные. В классных группах они чаще находятся в роли изолированных. Воспитание в семьях этих жертв отличается доминированием родителей над детьми, повышенным контролем, постоянными запретами, неусыпным бдительным наблюдением, вплоть до слежки. Очевидно, что, если в самом человеке не будет «обостренной ответственности» за свою жизнь, он может слишком быстро проскочить стадию борьбы и уступить внушающей силе нападения. Вот почему такие жертвы и не пытаются обороняться, в лучшем случае плачут и молят о пощаде. А насильники ненавидят жертву тем сильнее, чем

больше ее поведение напоминает их самих в реальной жизни, прежде всего, в родительской семье.

Третий тип – «спасательницы» (1 % выборки) – те, которые попадают в ситуацию преступления «за компанию», пытаясь сохранить предписанную социальную роль в группе. Им до всего есть дело, они ответственны за всех и причастны ко всему. Вот почему насилие в отношении этого типа – это насилие, которое предназначалось для других, но они его «берут на себя». Воспитание таких девочек ведется по типу завышенных требований и формирования гиперответственности.

К особому типу жертв относятся «кумиры» (17 % выборки) – подростки, чье поведение виктимно по форме и агрессивно по содержанию. Воспитание в семьях этих жертв осуществляется в форме потворствования. Такие девочки с ощущением безнаказанности и безответственности кокетничают с первым встречным мужчиной, создавая у него впечатление призыва к близости.

При проведении опросника «Ролевой виктимности» М.А. Одинцовой, Н.П. Радчиковой, целью которого было выявление потенциальной виктимности у исследуемых жертв, были получены следующие результаты: 67 % жертв преступлений имели социальную ролевую виктимность, а 37 % – игровую форму виктимности. Причем высокий уровень ролевой виктимности продемонстрировали 85 % жертв, 15 % – выше среднего. После проведения методики «Басса – Дарки», были обнаружены корреляционные связи игровой виктимности с показателями вербальной агрессии ($r = 0,7239$), предметной агрессии ($r = 0,8046$), эмоциональной агрессии ($r = 0,504$). Социальная ролевая виктимность коррелирует с физической агрессией ($r = 0,8885$), аутоагрессией ($r = 0,8512$). Данные корреляционные связи, установленные при подсчете коэффициента корреляции Пирсона, статистически значимы ($p < 0.01$).

Можно сделать вывод о том, что глубина проникновения агрессии в мировоззренческое ядро подростка (как у группы «враждебных» агрессоров, так и «отверженных» жертв), соотносится со степенью жестокости и частотой преступлений. Мы полагаем, что подростков с деструктивной идентичностью нельзя однозначно отнести ни к группе абсолютных агрессоров, ни к группе абсолютных жертв; можно говорить лишь о тяготении к тому или иному типу поведения. Установка на жертвенное или агрессивное поведение определяется действиями партнера и особенностями криминальной ситуации.

Агрессивные поведенческие диспозиции формируются на микроуровне через отчуждение в семье, которое может быть прямым в криминально-аморальных семьях и косвенным в педагогически запущенных. В первом случае агрессия и антиобщественные ориентации открыто демонстрируются детям, сопровождаются жестокими побоями, оскорблениями, игнорированием элементарных потребностей в еде, одежде, домашнем очаге. Во втором случае, скрытое отчуждение проявляется в различных деструктивных воспитательных стратегиях – жестоком обращении, эмоциональном отвержении, безнадзорности, воспитании по типу «кумир семьи», доминирующей гиперпротекции, непоследовательном воспитании. Отчуждающие стратегии воспитания конструируют деструктивную идентичность, вариативность которой ограничена двумя полюсами: агрессивности и жертвенности.

Заключение

Общие выводы по представленной тематике могут быть сформулированы следующим образом:

Познавательная ситуация в изучении деструктивного поведения характеризуется наличием разнообразных теоретических подходов, которые сосуществуют как дополняющие друг друга. Социально психологическое направление анализа деструктивного поведения выступает скрепой эвристических составляющих имеющихся школ, способствует рациональному освоению вариантов анализа, входящих в наличный реестр научных идей.

По разряду стратегий участников преступления представлена типология «агрессивно-жертвенного» поведения подростков. Среди агрессоров выделяются: «враждебные», у которых агрессия входит в «Я – концепцию» и служит средством самоутверждения; «трусливые», чья агрессия носит инструментальный характер и служит средством достижения позитивных целей; «солидарные группе», которым агрессия позволяет сохранить статусное место в референтной группе. Среди жертв: «отверженные», у которых стигма является составной частью «Я-концепции»; «покорные», переносящие закрепленные насилием формы подчинения в семье в ситуацию преступления; «спасательницы», попадающие в ситуацию преступления под влиянием роли, которую они играют в группе.

Определенным типам жертв зеркально соответствуют определенные типы агрессоров, а также соответствующие способы реагирования в ситуации преступления. Особый тип жертв составляют «кумиры», поведение которых по содержанию агрессивно, а по форме виктимно. Чем глубже агрессия входит в мировоззренческое ядро, как у группы «враждебных» агрессоров и «отверженных» жертв, тем более жестокими являются те преступления, в которые они вовлекаются.

Сконструированная социальная модель агрессивно-жертвенного поведения и типология ее составляющих, может выполнять социально-диагностическую и прогностическую функции в социальной работе с семьей и подростками, прежде всего в учреждениях образования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беличева С.А. Основы превентивной психологии. М.: Педагогика, 2013. 496 с.
2. Гишинский Я.И. Социология девиантного поведения как специальная социологическая теория // Социологические исследования. 2013. № 4. С. 11-19.
3. Клейберг Ю.А. Психология девиантного поведения. М.: ТЦ Сфера, 2001. 379 с.
4. Куприянчук Е.В., Блинкова Х.А. Социально-психологические особенности подростков с делинквентным поведением: сравнительный контекст // Научное обозрение: Гуманитарные исследования. 2015 г. №4. С. 69-76.
5. Куприянчук Е.В. Преступная агрессивность подростков: социокультурный контекст. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук. Саратов. 1999. 21 с.
6. Малкина-Пых И.Г. Виктимология. Психология поведения жертвы. М.: Эксмо, 2010. 864 с.
7. Мартынова С.И. Актуальные вопросы противодействия насильственным преступлениям несовершеннолетних // Российский юридический журнал. 2011 г. № 2. С. 78-81.
8. Фромм Э. Бегство от свободы. М.: Прогресс, 1990. С. 137-138.
9. Семенюк Л.М. Психологические особенности агрессивного поведения и условия его коррекции. М.: Флинта, 2003. 96 с.
10. Холмогорова А.Б., Евлашкина Н.М. Социальная ситуация развития и динамика агрессивного поведения у подростков с девиантным поведением // Дефектология. 2011 г. №2. С. 71-81.

Kupriyanchuk Elena Viktorovna

Saratov national research university. N.G. Chernyshevsky, Saratov, Russia
E-mail: elena-kupr@yandex.ru

"Aggressively sacrificial" model of behavior of deviant teenagers

Abstract. The results of a theoretical and empirical study related to issues that deal with the mechanisms of constructing criminal aggressiveness of adolescents are presented. Presented are the results of an empirical study performed on a sample of adolescents aged 12-17 years who committed various aggressive crimes (hooliganism, beatings, rape, murder, robbery, mercenary-robbery, robbery), as well as victims of sexually aggressive and robbery crimes aged 10 up to 16 years (n = 78, number of crimes analyzed – 68). With the use of diagnostic methods: the study of biographies, materials of criminal cases, techniques that investigate character – test A.E. Lichko, intelligence test of Eysenck, projective tests: "non-existent animal", "hend-test", questionnaires: "Role-driven victimality" (M.A. Odintsov, N.P. Radchikova) and Bassa-Darka (adaptation of L.G. Pochebuta), informal interview, observation. It is established that the influence of socializing factors, especially family educational strategies, on adolescents who are participants in a crime, constructs a similar mechanism for the formation of the destructive identity of both aggressors and victims. Aggressive behavioral dispositions are formed at the micro level through alienation in the family, which can be direct in criminal-immoral families and indirectly in pedagogically neglected families. The phenomenon of "aggressive sacrifice" is singled out and a typology of behavior of aggressors and victims is developed. The deeper aggression enters the ideological core, like the group of "hostile" aggressors and "rejected" victims, the more violent are the crimes into which they are involved.

Applied aspect of the investigated problem can be realized in the consulting practice of psychological services of rehabilitation centers of victims of violence, crime prevention agencies, educational institutions.

Keywords: criminal aggression; socio-cultural mechanisms of construction; criminal – immoral; pedagogically neglected families; destructive educational strategies; destructive identity; phenomenon of "aggressive sacrifice"